

Вилльямъ Шекспиръ

Генрихъ VI. (Отрывокъ)

Переводъ Дм. Аверкіева.

Источник: Король Генрих VI [Отрывок из 3-й части, дейст. I, сц. 4]. Перев. Д. Аверкиева. — Эпоха, 1864, № 5, с. 234–241.

ЧАСТЬ III. АКТЪ I. СЦЕНА IV.

Равнина близъ замка Сэндэль.

Тревога. Входитъ Юркъ.

Юркъ.

За королевою ⁸⁾ осталось поле;
Меня спасая, оба дяди пали;
И всѣ мои предъ пылкими врагами,
Тыль показали и бѣгутъ,
Бѣгутъ, какъ передъ вѣтромъ корабли,
Бѣгутъ, какъ отъ волковъ голодныхъ стадо!
А сыновья! — что съ ними — знаетъ Богъ,
Яжъ знаю только, что они рубились,
Какъ тѣ, которыхъ жизнь, иль смерть прославить.
Мой Ричардъ — трижды прорубалъ ко мнѣ
Онъ улицу, и трижды онъ кричалъ:
«Смѣлѣй, отецъ! пусть мечъ рѣшаетъ дѣло!»
И всякій разъ, какъ подходилъ ко мнѣ
Мой Эдуардъ — былъ красенъ мечъ его.
Покрытъ до рукояти кровью тѣхъ,
Кто съ нимъ встрѣчался. И когда шатались
Ряды сильнѣйшихъ, Ричардъ мой кричалъ:
«Ломи! не уступай врагу ни пяди!»
Кричалъ: «Корона, или славный гробъ!
Держава, или миръ въ сырой землѣ!»
И мы ломились вновь, и вновь — увы!
Насъ отбивали. Такъ видѣлъ я однажды,
Какъ лебедь съ бесполезною отвагой
Противъ прилива плылъ, и тратилъ силу
Въ борьбѣ съ сильнѣйшими, чѣмъ онъ, волнами.
(Тревога).

А, вотъ она, погоня роковая!
А я такъ слабъ, и не могу бѣжать
Отъ ярости враговъ, — но будь я и силенъ,
Ихъ ярости мнѣ все не избѣжать!
Умножились пески — и жизнь засыпять.
Останусь здѣсь, и здѣсь же я умру.

Входят: королева Маргарита, Клиффордъ, Нортумберлэндъ и солдаты.

Йоркъ.

Сюда, сюда, кровавый Клиффордъ! Грубый
Нортумберлэндъ, сюда! Я вашу ярость
Неутолимую — сильнѣе раскалю.
Я ваша цѣль, и жду ударовъ вашихъ.

Нортумберлэндъ.

Плантагенеть! проси, гордецъ, пощады!

Клиффордъ.

Пощады — той, какую даровалъ
Онъ моему отцу, рукой жестокой
Ударивши на отмашь. — Фаэтонъ
Теперь свалился съ колесницы: для тебя
Сегодня ночь настанетъ въ самый полдень.

Йоркъ.

Изъ пепла моего возникнетъ фениксъ;
Онъ всѣмъ вамъ отомститъ. Въ такой надеждѣ
Я очи подымаю къ небу; чѣмъ-бы
Меня ни оскорбили вы — смѣюсь.
Ну, что-же вы? Васъ много, — и боитесь?

Клиффордъ.

Такъ трусы говорятъ, когда бѣжать
Нельзя; такъ когти голуби клюютъ
У сокола, и такъ, попавшись, воры,
Страшась за жизнь, ругаютъ полицейскихъ.

Йоркъ.

О, Клиффордъ! Вспомни жизнь мою и въ мысляхъ
Ты пробѣги мое бывшее время,
И если можешь безъ стыда, смотри
Въ лицо мнѣ прямо; искусай языкъ,
Который въ трусости того порочить,
Чей видъ одинъ донинѣ заставлялъ
Тебя блѣднѣть и обращаться въ бѣгство.

Клиффордъ.

Я на словахъ съ тобой не стану грызться;
Ударами считаться я готовъ,
И дважды два — на каждый твой ударъ.

Маргарита.

О, храбрый Клиффордъ! подожди. Хочу,
По тысячъ причинъ, еще продолжить
Я жизнь измѣнника. Онъ глухъ отъ гнѣва!
Проси его, проси, Нортумберлэндъ!

Нортумберлэндъ.

Постой–же, Клиффордъ! Что за честь тебѣ
Свой палець уколоть, когда ты можешь
Все сердце изъязвить ему. Скажи,
Какая доблесть всунуть руку въ пасть,
Когда собака скалитъ зубы, если
Ее ты можешь отпихнуть ногою?
Всѣ выгоды на нашей сторонѣ,
И можемъ мы, по правиламъ войны,
Воспользоваться ими; и готовъ
Держать я десять противъ одного,
Что въ этомъ нѣтъ безчестья никакого.
(Они накладываютъ руки на
Юрка; тотъ отбивается).

Клиффордъ.

Ай, ай! Такъ вальдшнепъ бьется въ западнѣ.

Нортумберлэндъ.

Такъ кроликъ порывается изъ сѣти.
(Юркъ взять въ плѣнъ).

Юркъ.

Такъ воры торжествуютъ надъ добычей.
Такъ честные разбойникамъ сдаются,
Когда нѣтъ силъ отбиться.

Нортумберлэндъ королевѣ.

Что теперь
Угодно вашей милости съ нимъ сдѣлать?

Маргарита.

Вы, рыцари, Нортумберлэндъ и Клиффордъ!
Взведите Юрка вонъ на этотъ холмъ,
Что достигаетъ горъ своимъ отрогомъ,
Но отстоятъ на тѣнь его руки. —
Такъ это ты хотѣлъ быть королемъ

Пока мы дышимъ.

Клиффордъ.

Предоставьте мнѣ:

Онъ моего отца убилъ.

Нортумберлэндъ.

Постой,

Послушаемъ, какъ онъ молиться станетъ!

Йоркъ.

Французская волчица! Ты свирѣпѣй,
Чѣмъ волки Франціи. О, ядовитѣй
Зубовъ гадюки твой языкъ! Стыдись!
Какъ неприлично женщинѣ, неидеть
Торжествовать, какъ амазонской дѣвкѣ,
Надъ тѣмъ, кто случаемъ попался въ плѣнъ.
Твое лицо, какъ маска, неподвижно;
Ты сдѣлалась безстыжей, королева,
Отъ частыхъ преступленій. Я тебя
Попробую заставить покраснѣть.
Я расскажу откуда родомъ ты,
Я родословную твою раскрою, —
Довольно въ ней стыда, чтобы заставить,
Будь ты совсѣмъ безстыжей, устыдиться.
Хоть твой отецъ и носить титуль,
Хоть онъ король Неаполя, обѣихъ
Сицилій и король Ерусалимскій,
Но бѣдный онъ чѣмъ нашъ поселянинъ.
Должно быть, этотъ нищій научилъ
Тебя ругаться? Гордой королевѣ
Ругательства нейдуть, не нужны! Или
Ты хочешь доказать, какъ справедлива
Пословица, что посади верхомъ
Оборванца — и онъ коня загонитъ?
Своей красою женщины гордятся,
Но знаетъ Богъ, что тутъ ты ни при чемъ.
Ихъ добродѣтели дивятся люди,
А ты противнымъ удивляешь всѣхъ.
Они божественны, коль правятъ царствомъ,
А ты — такъ отвратительна безъ власти!
Ты такъ противна всякому добру,
Какъ антиподы намъ, какъ сѣверъ югу.
Въ твоей груди должно быть сердце тигра!
Какъ ты могла въ живительной крови
Ребенка омочить платокъ, и дать
Его отцу, чтобъ имъ отеръ онъ слезы?
И ты еще все женщиной осталась?

О, женщины такъ кротки, такъ добры,
Такъ полны состраданья, такъ подвижны.
А ты груба, сурова, какъ кремень,
Безжалостна, ничѣмъ неумолима.
Ты хочешь ярости — на, вотъ она!
Ты хочешь слезъ моихъ — я плачу!
Свирѣпый вѣтеръ нагоняетъ ливень,
Утихнетъ ярость, — и польется дождь.
О миломъ Рутландѣ теперь я плачу
И каждая моя слеза кричить
О мщеніи противъ тебя, лукавой,
А также и тебя, о подлый Клиффордъ!

Нортумберлэндъ.

Меня вы можете проклясть, но я
Едва, едва удерживаю слезы.

Йоркъ, показывая на него.

Его лицо голодный канибаль
Не могъ-бы тронуть, кровью запятнать! —
О, вы безчеловѣчнѣй, вы свирѣпѣй,
Вы злѣе въ десять разъ гирканскихъ тигровъ.
Смотри, свирѣпая, какъ горько плачетъ
Отецъ несчастный. Намочила ты
Платокъ въ крови любимаго мной сына,
И я слезами смылъ всю кровь его.
Возьми платокъ, ступай и хвастай всюду.
Когда ты правильно расскажешь повѣсть
О томъ, какъ мучила меня, — клянусь,
Моей душой клянуся, — всѣ плачутъ,
Кто будетъ слушать. Да, мои враги
И тѣ заплачутъ крупными слезами
И скажутъ: «страшное то было дѣло!»
Жестокосердый Клиффордъ, убивай скорѣй.
Душа на небо, кровь моя — на васъ.

Нортумберлэндъ.

Когда-бы всѣхъ моихъ родныхъ убилъ онъ.
То и тогда я могъ-бы только плакать,
Да, плакать вмѣстѣ съ нимъ; я вижу,
Какъ тайно грусть его терзаетъ душу!

Маргарита.

Милордъ Нортумберлэндъ! какой ты плакса!
Припомни, сколько зла онъ сдѣлалъ намъ,
И вмигъ осушатся твои всѣ слезы.

Клиффордъ.

За смерть отца! Я клятву исполняю!
(Колеть его)

Маргарита.

За право мягкосердаго супруга!
(Колеть его)

Йоркъ.

Прими меня, о милосердный Боже!
Моя душа изъ ранъ къ тебѣ летить.
(Умираеть)

Маргарита.

Снять голову и на ворота Йорка!
Пусть Йоркъ любитъся на городъ Йоркъ.

Маршъ. Eхеunt.
